

Влияние макропруденциальной политики в России на необеспеченное потребительское кредитование

Департамент исследований и прогнозирования Банка России

Ирина Козловцева

Email: kozlovtseva@cbr.ru

Генрих Пеникас

Email: penikasgi@mail.cbr.ru

Екатерина Петренива

Email: petrenevaea@cbr.ru

Юлия Ушакова

Email: ushakovayuv@cbr.ru

Все права защищены. Содержание настоящей работы отражает личную позицию авторов и может не совпадать с официальной позицией Банка России. Банк России не несет ответственности за содержание данной работы. Любое воспроизведение представленных материалов допускается только с разрешения авторов.

Аннотация

Пруденциальное регулирование нацелено на поддержание финансовой стабильности в экономике. Обычно в рамках данного регулирования вводятся ограничения, надбавки и т.п. на различные показатели финансовых посредников. Сюда входят ограничения на достаточность капитала, уровень ликвидности и т.д. Подобные меры регулирования вводятся для того, чтобы снизить вероятность финансового кризиса, а при его наступлении банки могли пережить его без значительных затрат со стороны Центрального банка. Однако выполнение этих требований во время кризиса может быть очень сдерживающим (проциклическим) фактором (см. Altman и др. 2002, Gordy и Howells 2004, Behn и др. 2014, и др.), таким образом ограничивая активность в периоды спада, замедляя тем самым восстановление экономики. Описанная дилемма известна как выбор между микропруденциальным и макропруденциальным регулированием. Первое подразумевает, что различные ограничения устанавливаются с целью достижения стабильности отдельного банка. Второе же уделяет больше внимания взаимосвязи экономических агентов и старается достигнуть устойчивости финансовой системы в целом. Политики начали обсуждение макропруденциального подхода после Азиатского кризиса в 1997 году (см. Crockett 2000) и кризиса Доткомов в (Borio 2003). Однако Clement 2010 показывает, что на значимость макропруденциального подхода были указывали еще задолго до этих кризисов: одна из первых работ была представлена Базельским комитетом по банковскому надзору в 1970 году. Тем не менее, широкое применение данного подхода началось после мирового финансового кризиса 2007-2009гг. В это время даже появляется термин "макропруденциализм" (см. Schoenmaker 2014).

Целью данного исследования является оценка эффективности макропруденциальных мер, применяемых на необеспеченные потребительские кредиты в России. Чтобы достичь указанной цели, мы делаем несколько шагов.

Во-первых, мы собрали уникальный массив данных по макропруденциальным мерам в России. Он состоит из более, чем 60 мер, введенных начиная с 2015 по 2020 года. Для каждой меры указан ее тип (общая или направленная на конкретный вид кредитов; смягчающая или сдерживающая; относится к необеспеченным потребительским кредитам или нет). Мы добавили информацию о том, к каким банкам применялись указанные меры, а также силу влияния меры в терминах эквивалентной надбавки к риск-весу. Также для

каждой меры указаны все значимые даты: момент появления анонса о введении нового ограничения, его формальное принятие, дата регистрации документа в Министерстве юстиции и финальная дата начала применения. Подобный набор данных является расширением уже существующего набора данных МВФ, который активно используется в различных исследованиях (см. Cerutti и Claessens 2017; Norring 2019; и др.).

Во-вторых, хотя мы и берем за основу методологию БМР (см. BIS 2020; Gambacorta и Murcia 2020), мы отклоняемся от нее и несколько расширяем круг рассматриваемых показателей и способ расчета некоторых из них. Так, например, для проверки робастности мы используем помимо даты начала действия меры также дату ее анонса (как рекомендуется в Budnik и Jasova 2018), а также используем не только дамми на момент введения меры, но и учитываем силу ее воздействия. Также мы используем идею из работы Dautović 2019 для изучения влияния на взвешенные по риску активы (RWA).

Результаты базовой модели говорят о том, что темпы прироста портфеля сокращаются (хоть и незначительно в некоторых спецификациях) в 1-2 кварталах, однако растут в последующем. Поэтому суммарный эффект оказывается незначительным. Регрессионный анализ для риск-весов показывает, что этот показатель увеличивается. Однако данный эффект объясняется тем, что рассматриваемые нами меры заключаются в изменении риск-веса, приписываемого кредитам. Несмотря на это, в момент введения ужесточающих мер не происходит роста риск-весов, а значит банки меняют структуру портфеля кредитов, выдавая менее рискованные (с меньшей полной стоимостью). Также мы показываем, что ужесточение мер, направленных на потребительские кредиты, приводит к значительному сокращению темпов роста выдач новых кредитов, а также к сокращению темпов роста портфеля в момент объявления о новых мерах.

Помимо этого, мы рассматриваем влияние введения мер макропруденциально политики с использованием не только факта введения той или иной меры, но и силы ее воздействия. В результате мы можем отметить, что ужесточение меры, эквивалентное увеличению риск-веса на 10 п.п., приводит к суммарному увеличению темпов прироста кредитования на 1 п.п. в год. Данный результат аналогичен выводам некоторых работ (см., например Cerutti, Correa и др. 2017; Budnik и Jasova 2018; McCann и O'Toole 2019; Basten 2020; Kim и Oh 2020). Дополнительно мы наблюдаем эффект перераспределения, который был показан в работах McCann и O'Toole 2019 и Basten 2020. В какой-то степени они также похожи на результаты Yarba и Güner 2020. В частности, мы отмечаем, что ужесточение макропруденциальных мер ограничивает темп роста кредитов в банках с наименьшей долей кредитов в портфеле. Крупные и средние банки увеличивают портфель кредитов в течение года, при этом последние делают это активнее, несмотря на ограничительные меры. Кроме того, банки с небольшим запасом капитала имеют тенденцию к увеличению кредитного портфеля, в отличие от банков с существенным буфером. Другими словами, банки с большим запасом капитала, которые могли бы позволить себе потратить его часть при привлечении новых кредитов, не делают этого, предпочитая сохранить имеющийся запас. Этот эффект может быть объяснен интенсивным вложением в технологии в потребительском кредитовании. Банки, которые много проинвестировали в ИТ, не хотят отдавать свою долю рынка конкурентам, которые сэкономили подобных инвестициях.

Список литературы

Altman, Edward I, Brooks Brady, Andrea Resti и Andrea Sironi (2002). «The Link between Default and Recovery Rates: Implications for Credit Risk Models and Procyclicality».

в: *NYU Working Paper* 2451. [#](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1294421).

- Basten, Christoph (2020). «Higher Bank Capital Requirements and Mortgage Pricing: Evidence from the Counter-Cyclical Capital Buffer».
в: *Review of Finance* 24 (2), с. 453—495.
- Behn, M., R. Haselmann и P. Wachtel (2014). «Procyclical capital regulation and lending».
в: *Journal of Finance* LXXI (2), с. 919—956.
- BIS (февр. 2020). *Measuring the effectiveness of macroprudential policies using supervisory bank-level data*. URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap110.htm>.
- Borio, Claudio (2003). *Towards a macroprudential framework for financial supervision and regulation? Monetary and Economic Department*. URL: <https://www.bis.org/publ/work128.pdf>.
- Budnik, Katarzyna и Martina Jasova (июль 2018). *The effect of macroprudential policies on credit developments in Europe 1995-2017. Joint European Central Bank and Central Bank of Ireland research workshop "Macroprudential policy: from research to implementation" (Dublin, Central Bank of Ireland)*. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/conferences/shared/pdf/20180710%5C_ecb%5C_cbi%5C_macroprudential%5C_research%5C_workshop%5C_content/Katarzyna%5C_Budnik-Presentation.pdf.
- Cerutti, E. и L. Claessens S. and Laeven (2017). «The use and effectiveness of macroprudential policies: New evidence».
в: *Journal of Financial Stability* 28, с. 203—224.
- Cerutti, E., R. Correa, E. Fiorentino и E. Segalla (2017). «Changes in prudential policy instruments – a new cross-country database».
в: *International Journal of Central Banking* 13 (2), с. 477—503.
- Clement, Piet (март 2010). *The term “macroprudential”: origins and evolution. BIS Quarterly Review*. URL: <https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r%5Cqt1003h.pdf>.
- Crockett, A. (2000). *Marrying the micro- and macro-prudential dimensions of financial stability. Speech at the Eleventh International Conference of Banking Supervisors, Basel*. URL: <https://www.bis.org/review/r000922b.pdf>.
- Dautović, Ernest (2019). «Has regulatory capital made banks safer? Skin in the game vs moral hazard».
в: *Has regulatory capital made banks safer? Skin in the game vs moral hazard*. 91. <https://www.esrb.europa.eu/pub/pdf/wp/esrb.wp91~4c70a46630.en.pdf>.
- Gambacorta, Leonardo и Andrés Murcia (2020). «The impact of macroprudential policies in Latin America: An empirical analysis using credit registry data».
в: *Journal of Financial Intermediation* 42, <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2019.04.004>.
- Gordy, Michael B. и Bradley Howells (май 2004). *Procyclicality in Basel II: Can We Treat the Disease Without Killing the Patient?* URL: https://www.bis.org/bcbs/events/rtf04gordy%5C_howells.pdf.
- Kim, Soyoung и Junbeom Oh (март 2020). «Macroeconomic effects of macroprudential policies: Evidence from LTV and DTI policies in Korea».
в: *Japan and the World Economy* 53, <https://doi.org/10.1016/j.japwor.2020.100997>.
- McCann, Fergal и Conor O’Toole (окт. 2019). «Cross-Border Macroprudential Policy Spillovers and Bank Risk-Taking».
в: *International Journal of Central Banking* 15 (4), с. 267—311.
- Norring, Anni (май 2019). *Macroprudential policy spillovers and international banking - Taking the gravity approach*. URL: https://www.suomenpankki.fi/globalassets/en/financial-stability/events/sra2019/norring_paper_updated.pdf.
- Schoenmaker, Dirk (дек. 2014). *Macroprudentialism*. URL: https://voxeu.org/system/files/epublication/macroprudentialism%5C_VoxEU%5C_0.pdf.

Yarba, Ibrahim и Z. Nuray Güner (2020). «Uncertainty, macroprudential policies and corporate leverage: Firm-level evidence».
в: *Central Bank Review* 20, с. 33—42.